

Ирина Протопопова

Плотин об умопостигаемой материи,
или Что созерцает Демиург в «Тимее»

IRINA PROTOPOPOVA
PLOTINUS ON INTELLIGIBLE MATTER,
OR WHAT DOES PLATO'S DEMIURGE CONTEMPLATE IN THE *TIMAEUS*

ABSTRACT. The purpose of this article is to provide a commentary on Plotinus' arguments about intelligible matter. First of all, this is the question of matter approached through the theme of comparing the universal soul and the sensual cosmos, on the one hand, and, on the other, the paradigm that the Demiurge contemplates in the *Timaeus*, creating these reflections. He contemplates the most beautiful "living intelligible being", and if there is matter in the physical cosmos, then there must be a prototype of matter in the paradigm. But the Demiurge is a Mind that tries to contemplate the otherworldly One: by making it the object of thought, it contemplates the prototype of its own way of existence, which contains its own intelligible matter. According to Plotinus, sensory matter is the "pushing out" of things by each other; intelligible matter is "everything at once", a kind of "enlightened essence". This way of existence is dictated by the special status of otherness in the noetic sphere, which determines the mind's attitude to itself, and not to "external" things. The intelligible cosmos contains five main primary genera: movement, rest, identity, otherness, being, which corresponds to the Great Five of the *Sophist* and at the same time to the structure of the universal soul in the *Timaeus*, and intelligible matter refers primarily to "otherness" as a condition for distinguishing eide in the one mind. The thinking of sensible matter leads to a "ghost of gravity", darkness and vagueness, "a bastard conclusion", as Plato characterizes chora in the *Timaeus*. But there is a certain darkness of matter in the intelligible world, and this is due to the fact that the source of the mind, the One, is beyond the mind, and the primary movement and otherness emanating from it have not yet been enlightened, but are enlightened only by turning "back" to the One.

KEYWORDS: Plato, the *Timaeus*, Plotinus, matter.

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный ун-т.
Платоновские исследования / Platonic Investigations 24.1 (2026) DOI: 10.25985/Pl.24.1.09

Умопостигаемое живое существо и Демиург

Платон в «Тимее» говорит, что Демиург, создавая космос и мировую душу, созерцал в качестве образца (τὸ παράδειγμα) некое умопостигаемое живое существо:

что же это за живое существо, по образцу которого устроитель устроил космос? Мы не должны унижать космос, полагая, что дело идет о существе некоего частного вида, ибо подражание неполному никоим образом не может быть прекрасным. Но предположим, что было такое [живое существо], которое объемлет всё остальное живое по особям и родам как свои части, и что оно было тем образцом, которому более всего уподобляется космос, ведь как оно вмещает в себе все умопостигаемые живые существа, так космос дает в себе место нам и всем прочим видимым существам. Ведь бог, пожелавши возможно более уподобить мир прекраснейшему и вполне совершенному среди мыслимых предметов (τῶν νοουμένων καλλίστῳ καὶ κατὰ πάντα τελέῳ), устроил его как единое видимое живое существо, содержащее все сродные ему по природе живые существа в себе самом (Ti. 30b)¹.

И дальше Платон с некоторыми вариациями повторяет эту формулировку: «всесовершенное живое существо», «вечное живое существо», «то, что есть живое существо» (τῷ παντελεῖ ζῳῳ, 31b; ζῳῳ ἀίδιον, 37d1; ὃ ἔστιν ζῳῳ, 39e). Плотин в разных местах упоминает это «существо». «Об этом загадочно сказано у Платона, что Ум видит идеи во всесовершенном живом существе — каковы они и сколько их» (Enn. 6.2.22)².

Ум есть как бы сплетение и соединение в одном всех сущих вещей. И поскольку он имеет в себе все сущее, он — «всесовершенное живое» и «поистине живое»; предоставляя же увидеть тому, что происходит от него, себя самого, он становится умопостигаемым и правильно дает называть себя тамошним (Enn. 6.2.21)³.

¹ Здесь и далее пер. С.С. Аверинцева.

² Καὶ ἡνιγμένως Πλάτωνι τὸ <ἥπερ οὖν νοῦς ἐνούσας ιδέας> ἐν <τῷ παντελεῖ ζῳῳ οἷα τε ἔνεισι καὶ ὅσαι καθορᾷ>.

³ ἢ πάντων ἐν ἐνὶ ὄντων οἷον συμπλοκὴ καὶ σύνθεσις νοῦς ἐστι. Καὶ ἔχων μὲν τὰ ὄντα ἐν αὐτῷ <ζῳῳ> ἐστι <παντελής> καὶ ὃ <ἐστι ζῳῳ>, τῷ δ' ἐξ αὐτοῦ ὄντι παρέχων ἑαυτὸν ὀραᾶσθαι νοητὸν γενόμενος ἐκεῖνῳ δίδωσιν ὀρθῶς λέγεσθαι.

В том же трактате «О родах сущего (2)» Плотин говорит о чувственном космосе как о призрачном образе умопостигаемого космоса:

прежде отображения — целостный умопостигаемый космос, исполненный всеми умопостигаемыми вещами; здесь же существует подражание ему, насколько возможно образу живого существа сохранить само живое существо, как рисунок или отражение в воде есть призрачный образ того, что явлено до воды и до рисунка. Но подражание в рисунке и в воде не есть нечто соположенное, но когда иное оформлено иным. Поэтому образ умопостигаемого не есть подобие творца, но того, что в нем содержится — человека и других живых существ; «живое существо» есть и это изображение, и то, что сотворило его, каждое в различном смысле, и оба есть в умопостигаемом» (*Enn.* 6.2.22)⁴.

Здесь чувственный космос — это «иное, оформленное иным», то есть то, что Платон относит к становлению, отпечаткам, которым «дает место» *хора*: образ всегда есть призрак иного, то есть внечувственного образца, и появиться он может тоже лишь в чем-то ином — то есть в *хоре* (*Ti.* 52c).

Итак, Демиург созерцает умопостигаемый образец и создает по этой парадигме чувственный космос. Демиург — это для Платона однозначно Ум, что соответствует описанию действий Демиурга в «Тимее»⁵. В *Enn.* 5.1 Плотин замечает, имея в виду Платона: «Ум есть для него Демиург; и далее он говорит, что Ум творит Душу в кратере» (5.1.8)⁶. И всё же: что это за образец, который созерцает Ум-Демиург?

⁴ πρὸ τοῦ εἰδῶλου ὁ νοητὸς κόσμος ἅπας τέλεος ἐκ πάντων νοητῶν, ὥσπερ ὄδε μίμημα ὦν ἐκείνου, καθόσον οἷόν τε ἀποσφῆζειν εἰκόνα ζῶον ζῶον αὐτό, ὡς τὸ γεγραμμένον ἢ τὸ ἐν ὕδατι φάντασμα τοῦ πρὸ ὕδατος καὶ γραφῆς δοκοῦντος εἶναι. Τὸ δὲ μίμημα τὸ ἐν γραφῇ καὶ ὕδατι οὐ τοῦ συναμφοτέρου, ἀλλὰ τοῦ ἐτέρου τοῦ μορφωθέντος ὑπὸ θατέρου. Νοητοῦ τοίνυν εἰκὼν ἔχουσα ἰνδάλματα οὐ τοῦ πεποιηκότος, ἀλλὰ τῶν περιεχομένων ἐν τῷ πεποιηκότη, ὦν καὶ ἄνθρωπος καὶ ἄλλο πᾶν ζῶον· ζῶον δὲ καὶ τοῦτο καὶ τὸ πεποιηκός, ἄλλως ἐκάτερον καὶ ἄμφω ἐν νοητῷ.

⁵ Действия Демиурга описаны как действия ремесленника (Бородай 2008: 47–85), но в их основе лежит созерцание умопостигаемого образца.

⁶ Т.Г. Сидаш по этому поводу комментирует: «Плотин всегда отождествляет платоновского Демиурга с Умом, и никогда — с Душой, чью функцию в созда-

Ум, пытаясь созерцать Единое как то, что «по ту сторону» ума и притом является его истоком, созерцает свои собственные основания и свой способ существования: «этот множественный ум, когда желает мыслить то, что по ту сторону (τὸ ἐπέκεινα), мыслит себя самого как единого, но желая следовать ему в простоте, он, всегда схватывая иное, производит в себе множественность» (*Enn.* 5.3.11).

Главное здесь — потустороннее Единое, которое, будучи помысленным и ставшим предметом мышления, отражается в способе существования Ума, но уже на уровне «сущего»: пытаюсь мыслить потустороннее, ум вместо выхода в апофатическое единое «раздваивается» и начинает цепь «многого», пока еще умопостижимого. Но как же в этом *ноэсисе* существует «материя»?

Умопостижимое, иное и хора

Плотин в рамках заданной Платоном парадигмы «образец-отражение» рассуждает вполне логично: если космос как со-творенное отражение определенным образом повторяет образец и при этом в нем есть материя, значит и «там» должна быть материя: «если там есть умопостижимый космос, а наш космос есть подражание тамошнему, и наш космос есть составленное, и составленное из материи, то и там должна быть материя» (*Enn.* 2.4.4)⁷. Он говорит, имея в виду платоников, что некоторые философы считают, будто есть не только чувственная материя, но и «другая — первичная материя, которая в умопостижимом подложена под эйдосы и бестелесные сущности» (*Enn.* 2.4.1)⁸. Но что это за внечувственная материя и как она существует?

Для начала повторим еще раз, что у Платона «материя» — это самый трудный для объяснения и смутно различаемый (*χαλεπὸν*

нии физического космоса он видел как подчиненную и инструментальную» (Сидаш 2005: 32).

⁷ Ἐτι εἰ κόσμος νοητὸς ἔστιν ἐκεῖ, μίμημα δὲ οὗτος ἐκείνου, οὗτος δὲ σύνθετος καὶ ἐξ ὕλης, κάκει δὲ ὕλην εἶναι.

⁸ ἑτέραν μέντοι προτέραν ἐν τοῖς νοητοῖς ὑποβεβλημένην τοῖς ἐκεῖ εἶδεσι καὶ ταῖς ἀσωμάτοις οὐσίαις.

καὶ ἀμυδρὸν) «третий род», который он сначала называет «восприемница» и «кормилица» (ὑποδοχὴν αὐτὴν οἶον τιθήνην, *Ti.* 49a), а затем «хора» (χώρα, 52aс)⁹: она дает место всему возникающему, вечна и неразрушима, сама же схватывается вне ощущения, неким незаконорожденным рассуждением (αὐτὸ δὲ μετ' ἀναισθησίας ἀπτὸν λογισμῶ τινι νόθῳ), мы видим ее как бы во сне (ὄνειροπολοῦμεν βλέποντες, 52b). Хора дает место всему рождающемуся, то есть всем впечатлениям умопостигаемого, и можно подумать, что она относится только к чувственному космосу. Но нет — Платон говорит, что бытие, хора и возникновение порознь возникли еще до рождения неба (ὄν τε καὶ χώραν καὶ γένεσιν εἶναι, τρία τριχῆ, καὶ πρὶν οὐρανὸν γενέσθαι, 52d), то есть до того, как Демииург упорядочил некое «до-космическое» состояние в чувственный космос. Парадокс хоры в том, что она такой же вечный эйдос, как умопостигаемая парадигма, но при этом схватывается не умом, а чем-то «незаконорожденным»¹⁰.

Плотин однозначно связывает материю с платоновской хорой, подчеркивая, что постичь ее невероятно трудно, и задает вопрос: какое мышление и какое схватывание рассудком (τίς ἢ νόησις καὶ τῆς διανοίας ἢ ἐπιβολή) возможно при постижении материи? И отвечает: «неопределенность: поскольку подобное познается подобным, то неопределенное — неопределенным. Логос неопределенного мог бы быть определенным, но само схватывание неопределенно». Здесь, говорит Плотин, возникает как бы желание мышления не мышления, а чего-то безумного, и лучше сказать, что мышление материи — это незаконорожденный фантазм, в котором соположены, с одной стороны, неистинное, с другой — логос. Платон, видя это, назвал способ постижения материи «незаконорожденным рассуждением» (*Enn.* 2.4.10)¹¹. И дальше повто-

⁹ Сам Плотин вслед за Аристотелем называет материю ὕλη.

¹⁰ О проблеме трех родов и особенно хоры в «Тимее» см., например: Algra 1994, Brisson 1998, Broadie 2012, Cornford 1997, Miller 2003, Sallis 1999.

¹¹ Ἡ ἀοριστία· εἰ γὰρ τῷ ὁμοίῳ τὸ ὁμοίον, καὶ τῷ ἀορίστῳ τὸ ἀόριστον. Λόγος μὲν οὖν γένοιτο ἄν περὶ τοῦ ἀορίστου ὀρισμένος, ἢ δὲ πρὸς αὐτὸ ἐπιβολὴ ἀόριστος. Εἰ δ' ἕκαστον λόγῳ καὶ νοήσει γινώσκειται, ἐνταῦθα δὲ ὁ μὲν λόγος λέγει, ἃ δὴ λέγει

ряет, что мы не ощущаем материю чувственно — ни глазами, ни слухом, ни вкусом, ни запахом, ни осязанием: «ничего из этого не схватывает материю, только рассуждение, но не из ума, а пустое: потому и незаконорожденное, как было сказано» (*Enn.* 2.4.12)¹².

Но как же в свете таких размышлений о материи можно представить материю умопостигаемую — получается, что Ум должен схватить в самом себе «хору»? Плотин пытается расшифровать мысль Платона, разбирая разницу двух способов существования материи в специально посвященном этому трактате *Enn.* 2.4. Он говорит, что «здешняя» материя, относящаяся к чувственным вещам, никогда не является самотождественной, поскольку вещи как бы «выталкивают» друг друга, и материя бесконечно принимает разные формы; в мире же умопостигаемой материя неизменна и «есть всё».

Материя вещей возникающих всегда принимает иные и иные формы, но материя вещей вечных всегда тождественна себе. Здешняя материя, скорее, противоположна той. Здесь она есть всё посредством частей, и каждое одно отдельно от другого: здесь ничего не пребывает, поскольку одна вещь выталкивает другую. Но там материя есть разом всё: нет того, во что можно изменяться, потому что уже есть всё (*Enn.* 2.4.3)¹³.

Но что значит «разом всё»? Это относится к способу существования «тамошнего» ума: несмотря на то, что в попытке помыслить Единое он раздваивается на «мыслящее» и «мыслимое», оба они остаются всё тем же умом, не выходя за рамки его самотождественности:

περὶ αὐτῆς, ἡ δὲ βουλομένη εἶναι νόησις οὐ νόησις, ἀλλ' οἷον ἄνοια, μᾶλλον νόθον ἂν εἶη τὸ φάντασμα αὐτῆς καὶ οὐ γνήσιον, ἐκ θατέρου οὐκ ἀληθοῦς καὶ μετὰ τοῦ ἐτέρου λόγου συγκείμενον. Καὶ τάχα εἰς τοῦτο βλέπων ὁ Πλάτων <νόθῳ λογισμῶ> εἶπε ληπτὴν εἶναι.

¹² τούτων δὲ οὐδὲν περὶ τὴν ὕλην· ἀλλὰ λογισμῶ οὐκ ἐκ νοῦ, ἀλλὰ κενῶς· διὸ καὶ νόθος, ὡς εἶρηται.

¹³ Ἡ δὲ τῶν γιγνομένων ὕλη ἀεὶ ἄλλο καὶ ἄλλο εἶδος ἴσχει, τῶν δὲ αἰδιῶν ἡ αὐτὴ ταῦτον ἀεὶ. Τάχα δὲ ἀνάπαλιν ἡ ἐνταῦθα. Ἐνταῦθα μὲν γὰρ παρὰ μέρος πάντα καὶ ἐν ἐκάστοτε· διὸ οὐδὲν ἐμμένει ἄλλου ἄλλο ἐξωθοῦντος· διὸ οὐ ταῦτον ἀεὶ. Ἐκεῖ δὲ ἅμα πάντα· διὸ οὐκ ἔχει εἰς ὃ μετὰ βάλλοι, ἤδη γὰρ ἔχει πάντα.

Все они вместе есть одно: ум, мышление и умопостигаемое. Значит, если мышление ума есть умопостигаемое, и умопостигаемое есть сам ум, то ум будет мыслить себя, поскольку он будет мыслить мышлением, которое есть он сам, и будет мыслить умопостигаемое, которое также есть он сам. В обоих случаях он будет мыслить себя, поскольку он сам есть мышление и поскольку он сам есть умопостигаемое — то, что мыслит он в своем мышлении, то и есть он сам (*Enn.* 5.3.5)¹⁴.

Но что же в таком способе существования ума может быть материей?

Примем сейчас, что существуют эйдосы — это было показано в других местах, — и будем исходить из этого. Если есть многие эйдосы, в них по необходимости есть нечто общее — а также и нечто особенное, чем одно отличается от другого. Это особенное есть разделяющее различие и свойственная каждому форма. Если же есть форма, то есть и оформленное, относительно чего существует различие. Значит, есть материя, которая принимает форму, и всегда есть подлежащее (*Enn.* 2.4.4)¹⁵.

То есть в умопостигаемом материя — это просто условие различения эйдосов, которые оказываются многими в силу того, что ум раздваивается на мыслящее и мыслимое. То, что дает возможность их различить, — это и есть «ноэтическая хора». Разница двух видов материи связана с разной ролью *иного* и *инаковости* в чувственном и умопостигаемом: схематично можно сказать, что в первом случае это «иное в ином», во втором — «иное в себе». В чувственном мире, как говорит Платон, образ — всегда иное относительно умопостигаемого образца и потому может

¹⁴ ἐν ἅμα πάντα ἔσται, νοῦς, νόησις, τὸ νοητόν. Εἰ οὖν ἡ νόησις αὐτοῦ τὸ νοητόν, τὸ δὲ νοητόν αὐτός, αὐτός ἄρα ἑαυτὸν νοήσει· νοήσει γὰρ τῇ νοήσει, ὅπερ ἦν αὐτός, καὶ νοήσει τὸ νοητόν, ὅπερ ἦν αὐτός. Καθ' ἑκάτερον ἄρα ἑαυτὸν νοήσει, καθότι καὶ ἡ νόησις αὐτός ἦν, καὶ καθότι τὸ νοητόν αὐτός, ὅπερ ἐνόει τῇ νοήσει, ὃ ἦν αὐτός.

¹⁵ Ὅ δὲ λόγος ἡμῖν ὑποθεμένοις τὸ νῦν εἶναι τὰ εἶδη — δεδεικται γὰρ ἐν ἄλλοις — προίτω. Εἰ οὖν πολλὰ τὰ εἶδη, κοινὸν μὲν τι ἐν αὐτοῖς ἀνάγκη εἶναι· καὶ δὴ καὶ ἴδιον, ᾧ διαφέρει ἄλλο ἄλλου. Τοῦτο δὲ τὸ ἴδιον καὶ ἡ διαφορὰ ἢ χωρίζουσα ἢ οἰκεία ἐστὶ μορφή. Εἰ δὲ μορφή, ἔστι τὸ μορφοῦμενον, περὶ ὃ ἡ διαφορὰ. Ἔστιν ἄρα καὶ ὕλη ἢ τῆ μορφήν δεχομένη καὶ αἰεὶ τὸ ὑποκείμενον.

проявляться тоже лишь в чем-то ином, то есть в *хоре*: «поскольку образ не в себе самом носит причину собственного рождения, но неизменно являет собою призрак чего-то иного, ему и должно родиться внутри чего-то иного» (*Ti.* 52c).

Совсем по-другому проявляет себя инаковость в умопостигаемом. Уже было сказано, что несмотря на раздвоение ума в умопостигаемом на мыслящее и мыслимое, сам ум остается тождественным: мысля себя, он не выходит во «внешнее». В том же цитированном выше трактате *Enn.* 5.3 «О познающих ипостасях» Плотин так говорит об инаковости ума:

Мыслящее, когда мыслит, двойственно, и либо одно есть внешнее по отношению к другому, либо они находятся в том же самом, и мышление всегда в инаковости и по необходимости всегда в тождественности; и собственно мыслимое по отношению к мыслящему и то же самое, и иное. И снова, каждое из мыслимого одновременно несет в себе тождественное и иное: ведь что будет мыслить мыслящий, если нет иного и иного? (*Enn.* 5.3.10)¹⁶.

То есть инаковость в уме — сама возможность мышления. Если есть различие эйдосов — мыслящего и мыслимого — то это, с одной стороны, самождественный ум, с другой — разница проявлений одного и того же. Получается, что «хора» в уме — само условие различения в нем эйдосов. Здесь Плотин имеет в виду главные роды, так называемую великую пятерицу из платоновского «Софиста»¹⁷.

Умопостигаемое Плотина и великая пятерица

На мой взгляд, вполне очевидно, что умопостигаемое мыслится Платином по модели пятерицы из «Софиста». В *Enn.* 5.1.4

¹⁶ Δεῖ τοίνυν τὸ νοοῦν, ὅταν νοῆ, ἐν δυσιν εἶναι, καὶ ἢ ἕξω θάτερον ἢ ἐν τῷ αὐτῷ ἄμφω, καὶ αἰεὶ ἐν ἑτερότητι τὴν νόησιν εἶναι καὶ ἐν ταυτότητι δὲ ἕξ ἀνάγκης· καὶ εἶναι τὰ κυρίως νοοῦμενα πρὸς τὸν νοῦν καὶ τὰ αὐτὰ καὶ ἕτερα. Καὶ πάλιν αὖ ἕκαστον τῶν νοοῦμένων συνεκφέρει τὴν ταυτότητα ταύτην καὶ τὴν ἑτερότητα· ἢ τί νοήσει, ὃ μὴ ἔχει ἄλλο καὶ ἄλλο;

¹⁷ См. например, примечание А.Х. Армстронга к этому месту в его издании Плотина: Armstrong 1984: 106.

«О трех изначальных ипостасях» Плотин четко и кратко это демонстрирует:

Не могло бы быть мышления без инаковости, как и без тождественности. И тогда возникает первичное: ум, сущее, инаковость, тождественность; нужно взять также движение и покой. Движение, если ум мыслит; покой, чтобы ум был самотождественным. Инаковость, чтобы были мыслящий и мыслимое. Если убрать инаковость, возникнет единое, хранящее молчание; также должны быть иными друг другу и предметы мышления. Тождественность должна быть, поскольку ум есть тождественное себе единое и некое единое, общее всем, а различие есть инаковость (*Enn.* 5.1.4)¹⁸.

Здесь Плотин совершенно ясно показывает, что он подразумевает под существованием «умопостигаемого» — это единая жизнь ума, существующая как великая пятерница: «движение-покой-тождественное-иное-бытие». Платон в «Софисте» обосновывает необходимость именно этих первичных родов для мышления (*Sph.* 254d–255e) и показывает способ их взаимодействия как «неслиянных и нераздельных», как своего рода «ноэтический атом»¹⁹. В *Enn.* 6.2.7–9 об этих родах говорится достаточно подробно, и Плотин практически следует и логике, и последовательности рассуждений Платона о великой пятернице.

Сначала он разбирает взаимоотношения сущего, движения и покоя, доказывая, что последние два нельзя рассматривать в качестве «видов» по отношению к сущему, взятому в качестве «рода», — то есть это не абстрактные логические категории, подчиняющиеся родо-видовой схематике, а живые акты мышления, мыс-

¹⁸ Οὐ γὰρ ἂν γένοιτο τὸ νοεῖν ἑτερότητος μὴ οὐσίας καὶ ταυτότητος δέ. Γίνεται οὖν τὰ πρῶτα νοῦς, ὄν, ἑτερότητος, ταυτότητος· δεῖ δὲ καὶ ἄκίνητον λαβεῖν καὶ ἄστατον. Καὶ κίνησιν μὲν, εἰ νοεῖ, ἄστατον δέ, ἵνα τὸ αὐτό. Τὴν δὲ ἑτερότητα, ἵνα ἢ νοεῖν καὶ νοούμενον. Ἡ ἂν ἀφέλις τὴν ἑτερότητα, ἐν γενόμενον σωπῆσεται· δεῖ δὲ καὶ τοῖς νοηθείσιν ἑτέροις πρὸς ἄλληλα εἶναι. Ταῦτόν δέ, ἐπεὶ ἐν ἑαυτῷ, καὶ κοινὸν δέ τι ἐν πᾶσι· καὶ ἡ διαφορὰ ἑτερότητος.

¹⁹ См. Протопопова 2014. Следует отметить, что по модели существования великой пятерницы Демидург создает мировую душу и космос в «Тимее» (*Ti.* 34–38); фрагмент с устройством мировой души сопоставляет с «Софистом» Ф.М. Корнфорд в своих комментариях к «Тимею» (Cornford 1997: 61–63).

лящего самого себя (*Enn.* 6.2.7). Далее Плотин показывает, почему к этим трем родам — сущее, движение, покой — необходимо добавить «тождественное» и «иное»: «нам необходимо добавить к тем трем эти два: тождественное и иное, так что будут все пять родов для всех вещей, и последние два будут давать последующим вещам свойства быть различными и теми же самими, поскольку каждая вещь есть некое тождественное и некое иное» (*Enn.* 6.2.8)²⁰.

Подчеркнем, что главное здесь — демонстрация жизни чистого ума (*νοῦς*), где все эти роды являются взаимопроникающими актами, а не отдельными последовательными размышлениями, что свойственно дискурсивному рассудку (*διάνοια*): «ум разом мыслит и полагает их, если мыслит, и они есть, если помыслены», то есть акт мысли и есть ее бытие. Плотин вдохновенно описывает бытие чистого ума: «ты видишь очаг сущности и в нем неусыпный свет, и как стоят в нем <высшие роды>, и как отстоят, существуя все вместе, и жизнь вечно пребывающую, и мышление, чья энергия направлена не на будущее, а на то, что уже есть, а лучше сказать, ‘уже и всегда уже’, что всегда пребывает, поскольку это ум, мыслящий в себе, а не вовне» (*Enn.* 6.2.8.)²¹

Платон в «Софисте» говорит о существовании чистого ума как о «совершенно сущем»:

Но, ради Зевса, неужели нас будет так легко убедить в том, что на самом деле движение (*κίνησιν*), жизнь (*ζωήν*), душа (*ψυχὴν*) и разумение (*φρόνησιν*) отсутствуют в совершенно сущем (*τῷ παντελῶς ὄντι*), а оно не живет и не думает (*φρονεῖν*), но, возвышенное и священное, ума (*νοῦν*) же не имеющее, пребывает в неподвижности? (*Sph.* 249a)

²⁰ Οὐκοῦν πρὸς τρισὶν ἐκείνοις ἀνάγκη δύο ταῦτα προστιθέναι, ταῦτόν, θάτερον, ὥστε τὰ πάντα γένη γίγνεσθαι πέντε πᾶσι, καὶ ταῦτα δίδοντα τοῖς μετὰ ταῦτα τὸ ἐτέροις καὶ ταῦτοῖς εἶναι· καὶ τι γὰρ ταῦτόν καὶ τι ἕτερον ἕκαστον

²¹ Ἴδε δὲ νοῦν καὶ καθαρὸν καὶ βλέπον εἰς αὐτὸν ἀτενίσας, μὴ ὄμμασι τούτοις δεδωρκόως. Ὅραξ δὴ οὐσίας ἐστίαν καὶ φῶς ἐν αὐτῷ ἄυπνον καὶ ὡς ἔστηκεν ἐν αὐτῷ καὶ ὡς διέστηκεν, ὁμοῦ ὄντα καὶ ζῶην μένουσαν καὶ νόησιν οὐκ ἐνεργοῦσαν εἰς τὸ μέλλον, ἀλλ’ εἰς τὸ ἦδη, μάλλον δὲ «ἦδη καὶ ἀεὶ ἦδη», καὶ τὸ παρὸν ἀεὶ, καὶ ὡς νοῶν ἐν ἑαυτῷ καὶ οὐκ ἔξω.

Плотин же, пытаясь описать существование чистого ума, гораздо активнее прибегает к возвышенным метафорам:

ибо там «легко жить», истина им и мать, и кормилица, и сущность, и пища — и они видят всё — не то, к чему присоединяется возникновение, но то, к чему присоединяется сущность, и самих себя в других. Все вещи там прозрачны, и нет ничего темного и ничего неподатливого, и всё явно для всех и внутри и во всём: свет в свете. <...> Иное — снаружи каждого, но в каждом проявлено всё. И движение там чистое: тот, кто движется, не вносит в него путаницу, как если бы он был чем-то другим; и покой там ненарушим, поскольку не смешан ни с чем беспокойным; и красота — красота, поскольку не находится в том, что не прекрасно. Каждый там ступает не по чужому, например по земле, но в каждом месте, где он есть, — есть он сам. И если направляется, так сказать, вверх, тогда то, откуда он идет, движется вместе с ним, и он сам не есть одно, а пространство (ἡ χώρα) — другое (Enn. 5.8.4)²².

Итак, мы возвращаемся к *хоре*: здесь она не является чем-то чуждым для ноэтических эйдосов, она не «вместилище» для «отчужденных» впечатлений, поскольку в мире чистого ума вообще нет впечатлений — умопостигаемая материя прозрачна для себя самой и для эйдосов, которые в ней различаются. Пытаясь описать умопостигаемый мир, Плотин предлагает некий образ сферы, который, поскольку он «образ», должен быть, разумеется, «снят».

Теперь вообрази в душе некую светящуюся сферу, имеющую внутри себя всё, движущуюся или покоящуюся, или некоторые вещи движущимися, а некоторые покоящимися. Удерживая это, другое в себе схвати, отбросив объем: отбрось и места, и образы материи в себе, не пытайся взять сферу меньшего объема, но

²² καὶ γὰρ τὸ (ῥεῖα ζῶνι) ἐκεῖ — καὶ ἀλήθεια δὲ αὐτοῖς καὶ γενέτειρα καὶ τροφὸς καὶ οὐσία καὶ τροφή, καὶ ὁρῶσι τὰ πάντα, (οὐχ) οἷς (γένεσις πρόσεστιν), ἀλλ' οἷς οὐσία, καὶ ἑαυτοὺς ἐν ἄλλοις· διαφανῆ γὰρ πάντα καὶ σκοτεινὸν οὐδὲ ἀντίτυπον οὐδέν, ἀλλὰ πᾶς παντὶ φανερὸς εἰς τὸ εἶσω καὶ πάντα· φῶς γὰρ φωτὶ. <...> Ἐξέχει δ' ἐν ἐκάστῳ ἄλλο, ἐμφαίνει δὲ καὶ πάντα. Ἔστι δὲ καὶ κίνησις καθαρὰ· οὐ γὰρ συγγεῖ αὐτῇ ἰοῦσαν ὁ κινεῖ ἕτερον αὐτῆς ὑπάρχον· καὶ ἡ στάσις οὐ παρακινουμένη, ὅτι μὴ μέμικται τῷ μὴ στασίμῳ· καὶ τὸ καλὸν καλόν, ὅτι μὴ ἐν τῷ (μῆ) καλῷ. Βέβηκε δὲ ἕκαστος οὐκ ἐπ' ἄλλοτριᾶς οἴον γῆς, ἀλλ' ἔστιν ἐκάστῳ ἐν ᾧ ἔστιν αὐτὸ ὃ ἔστι, καὶ συνθεῖ αὐτῷ οἶον πρὸς τὸ ἄνω ἰόντι τὸ ὄθεν ἔστι, καὶ οὐκ αὐτὸς μὲν ἄλλο, ἡ χώρα δὲ αὐτοῦ ἄλλο.

призови Бога, сотворившего то, что ты воображаешь, молись ему, чтобы он пришел. И он, возможно, придет, неся свой космос со всеми богами в себе, он — одно и всё... (*Enn.* 5.8.9)²³

И вот мы вернулись к образу космоса и мировой души, которые были созданы Демиургом, — но сейчас мы видим, что Плотин предлагает некое медитативное упражнение, связанное с воображением и способностью схватывать умом как образы, так и те процессы, с помощью которых мы схватываем их содержание. Плотин говорит, что нужно сначала вообразить эту светящуюся сферу, а потом отбросить всё, что касается массы-объема-места, то есть того, что связано с материей — и, соответственно, с образностью, поскольку место образу, как мы помним из «Тимея», дает именно она²⁴. Тогда у нас останется чистая, вне-образная, жизнь ума, в которой, по словам Платона в «Государстве», душа движется эйдосами посредством эйдосов к беспредпосылочному началу (*R.* 510b).

Просветленная материя и ноэтическая тьма

Итак, в умопостигаемом, по Плотину, материя тоже существует, но отличается от материи чувственного мира: «Божественная материя, принимая границу, имеет свою определенную и умную жизнь, материя чувственного мира становится чем-то определенным, но не живет и не мыслит — разукрашенный труп. Ведь ее форма — призрак; так что она есть подлежащее призрака» (*Enn.* 2.4.5)²⁵. Мы снова видим идею хоры как того, что дает место образам, и такая хора, по Плотину, есть абсолютная беспредельность

²³ Ἐστω οὖν ἐν τῇ ψυχῇ φωτεινὴ τις φαντασία σφαίρας ἔχουσα πάντα ἐν αὐτῇ, εἶτε κινούμενα εἶτε ἐστηκότα, ἢ τὰ μὲν κινούμενα, τὰ δ' ἐστηκότα. Φυλάττων δὲ ταύτην ἄλλην παρὰ σαυτῷ ἀφελῶν τὸν ὄγκον λάβε· ἀφελε δὲ καὶ τοὺς τόπους καὶ τὸ τῆς ὕλης ἐν σοὶ φάντασμα, καὶ μὴ πειρῶ αὐτῆς ἄλλην σμικροτέραν λαβεῖν τῷ ὄγκῳ, θεὸν δὲ καλέσας τὸν πεποικηκότα ἧς ἔχεις τὸ φάντασμα εὖξαι ἐλθεῖν. Ὁ δὲ ἦκοι τὸν αὐτοῦ κόσμον φέρων μετὰ πάντων τῶν ἐν αὐτῷ θεῶν εἰς ὧν καὶ πάντες...

²⁴ Подобное упражнение Плотин предлагает и в *Enn.* 5.3.9.

²⁵ ἢ μὲν γὰρ θεία λαβοῦσα τὸ ὀρίζον αὐτὴν ζωὴν ὀρισμένην καὶ νοερὰν ἔχει, ἢ δὲ ὀρισμένον μὲν τι γίγνεται, οὐ μὴν ζῶν οὐδὲ νοῦόν, ἀλλὰ νεκρὸν κεκοσμημένον. Καὶ ἢ μορφῇ δὲ εἶδωλον· ὥστε καὶ τὸ ὑλοκείμενον εἶδωλον.

и тьма. Когда душа пытается мыслить эту материю, она как бы воспринимает «отпечаток бесформенного» (τύλον τοῦ ἀμόρφου), она сталкивается с «мутью, мыслимой смутно, тьмой, темно мыслимой, и мыслит, не мысля» (τοῦτο νοεῖ ἀμυδρῶς ἀμυδρὸν καὶ σκοτεινῶς σκοτεινὸν καὶ νοεῖ οὐ νοοῦσα), поскольку «подлежащее без формы смутно: это ведь не эйдос» (ἀμυδρὰ δὲ ἡ τοῦ ὑποκειμένου, τοῦ ἀμόρφου· οὐ γὰρ εἶδος, *Enn.* 2.4.10).

Душа испытывает боль от неопределенности материи, утверждает Плотин, — и это подобно страху оказаться вне бытия (ἀλγοῦσα τῷ ἀορίστῳ, οἷον φόβῳ τοῦ ἕξω τῶν ὄντων εἶναι, *Enn.* 2.4.10). Некоторые, говорит он, считают, что «материя — это пустота», он же полагает, что это призрак тяжести, «поскольку душа ничего не может определить, когда общается с материей, и расплывает себя в неопределенности» (*Enn.* 2.4.11)²⁶. Вообще, по Плотину, иные вещи не только иные, но каждая есть нечто и сама по себе, как эйдос, но материя только иное, «скорее же иные, чтобы в 'ином' не определить некоего единства, а в 'иных' показать ее беспредельность» (*Enn.* 2.4.13)²⁷.

Как видим, основные характеристики материи чувственного мира — неопределенность и беспредельность, и по отношению к ней Плотин всё время употребляет метафоры тьмы, мути, призрачности. Что касается умопостигаемой материи, у нее другие характеристики.

Там же форма истинная — значит, и подлежащее истинное. ⟨...⟩ ведь подлежащее там — сущность, лучше сказать, оно мыслится вместе с формой, и это есть целостная просветленная сущность (*Enn.* 2.4.5)²⁸.

Неотделимость умопостигаемой материи от эйдосов как условие ее «просветленности» дополняется и другим, чем в чувствен-

²⁶ τινὲς ταῦτόν τῳ κενῷ τὴν ὕλην εἰρήκασι. Φάντασμα δὲ ὄγκου λέγω, ὅτι καὶ ἡ ψυχὴ οὐδὲν ἔχουσα ὀρίσασι, ὅταν τῇ ὕλῃ προσομιλῇ, εἰς ἀοριστίαν χεῖ ἑαυτήν.

²⁷ εἶδος, αὐτὴ δὲ πρεπόντως ἂν λέγοιτο μόνον ἄλλο· τάχα δὲ ἄλλα, ἵνα μὴ τῳ «ἄλλο» ἐνικῶς ὀρίσης, ἀλλὰ τῳ «ἄλλα» τὸ ἀόριστον ἐνδείξῃ.

²⁸ Ἐκεῖ δὲ ἡ μορφή ἀληθινόν· ὥστε καὶ τὸ ὑποκειμένον. ⟨...⟩ τὸ γὰρ ὑποκείμενον ἐκεῖ οὐσία, μᾶλλον δὲ μετὰ τοῦ ἐπ' αὐτῇ νοουμένη καὶ ὅλη οὐσα πεφωτισμένη οὐσία.

ном мире, статусом инаковости: «инаковость там вечна и творит материю, потому что она начало материи и первое движение» (Καὶ γὰρ ἡ ἑτερότησὶ ἐκεῖ αἰεὶ, ἢ τὴν ὕλην ποιεῖ· ἀρχὴ γὰρ ὕλης αὕτη, καὶ ἡ κίνησις ἢ πρώτη, *Enn.* 2.4.5)²⁹.

И тем не менее, несмотря на всю «просветленность» тамошней материи, оказывается, что в уме с необходимостью существует собственная «тьма». По Плотину, «ум ищет двойственность: он ведь различает, пока не разрешится в простое, которое никак не может уже само разделиться; а пока это возможно, ум будет продвигаться в бездну. Бездна каждого есть материя: она вся темна, поскольку свет есть логос. И ум логос. Поэтому он, видя логосы в каждой вещи, считает то, что ниже, тьмой, поскольку она лежит под светом» (*Enn.* 2.4.5)³⁰.

Однако, утверждает Плотин, тьма в вещах умопостигаемых и тьма в вещах чувственных различна (διάφορόν γε μὴν τὸ σκοτεινὸν τὸ τε ἐν τοῖς νοητοῖς τὸ τε ἐν τοῖς αἰσθητοῖς), и это различие зависит от того, какие эйдосы накладываются на материю: в умопостигаемом мире это вечные эйдосы с первоначалами в виде великой пятерницы, в чувственном — возникающие и погибающие отражения этих эйдосов (*Enn.* 2.4.5). И всё же есть в умопостигаемом неизбывная изначальная «тьма», о чем у Плотина находим замечательный пассаж, связанный с первой инаковостью и одновременно движением, создающими материю. Он говорит, что движение и инаковость (κίνησις καὶ ἑτερότης), возникающие «от первого» (ἀπὸ τοῦ πρώτου), неопределенны (ἀόριστον) — они нуждаются в нем, чтобы быть определенными, и определяются, когда поворачиваются к нему. А до такого поворота «и материя, и иное неопределенны и лишены блага, и еще не просвещены им» (πρὶν δὲ ἀόριστον καὶ ἡ ὕλη καὶ τὸ ἕτερον καὶ οὐλῶ ἀγαθόν, ἀλλ' ἀφώτιστον

²⁹ Здесь снова отсылка к «Софисту», где иное названо родом, проходящим сквозь все остальные роды (*Sph.* 254d sqq.).

³⁰ Καὶ νοῦς εὐρίσκει τὸ διπτόν· οὗτος γὰρ διαίρει, ἕως εἰς ἀπλοῦν ἤκη μηκέτι αὐτὸ ἀναλύεσθαι δυνάμενον· ἕως δὲ δύναται, χωρεῖ αὐτοῦ εἰς τὸ βάθος. Τὸ δὲ βάθος ἐκάστου ἡ ὕλη· διὸ καὶ σκοτεινὴ πάσα, ὅτι τὸ φῶς ὁ λόγος. Καὶ ὁ νοῦς λόγος. Διὸ τὸν ἐφ' ἐκάστου λόγον ὁρῶν τὸ κάτω ὡς ὑπὸ τὸ φῶς σκοτεινὸν ἤγηται, *Enn.* 2.4.5.

ἐκεῖνου, *Enn.* 2.4.5). Плотин рассуждает так: если свет от первого, то принимающее, прежде чем его воспринять, не имеет света: свет для него иное, поскольку исходит из иного (*Enn.* 2.4.5)³¹. Таким образом, в заключении мы приходим к парадоксу, который обнаруживается в описании устройства космоса уже в платоновском «Тимее»: как могли существовать до создания космоса и мировой души Умом-Демиургом три главных рода: «бытие», «становление» и «хора»? Или, говоря языком Плотина, как первые роды могли существовать до «просвещения», то есть до возникновения умопостигаемого, если свет исходит из того, что «по ту сторону»? Пытаясь ответить на это, Плотин создает концепцию «возвращения», а я завершу статью краткой формулировкой того, как можно различить две материи у Плотина: образы в чувственном мире — это всегда «иное в ином», а эйдосы в умопостигаемом — «иное в себе».

³¹ Εἰ γὰρ παρ' ἐκεῖνου τὸ φῶς, τὸ δεχόμενον τὸ φῶς, πρὶν δέξασθαι, φῶς οὐκ ἔχει αἰεὶ, ἀλλὰ ἄλλο ὃν ἔχει, εἴπερ τὸ φῶς παρ' ἄλλου.

Литература

- Бородай, Т.Ю. (2008), *Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона*. М.: Издатель Савин С.А.
- Протопопова, И.А. (2014), “«Умопостигаемый атом» Платона”, *Вопросы философии* 8: 138–144.
- Сидаш, Т.Г. (пер.) (2005), *Плотин. Пятая эннеада*. СПб: Издательство Олега Абышко.
- Algra, K. (1994), *Concepts of Space in Greek Thought*. Leiden; New York; Köln: E.J. Brill.
- Armstrong, A.H., ed. (1984), *Plotinus*. Vol. 4: *Ennead IV.1–9*. Harvard University Press.
- Brisson, L. (1998), *Le même et l'autre dans la structure ontologique du Timée de Platon: Un commentaire systématique du Timée de Platon*. Sankt Augustin: Academia-Verlag.
- Broadie, S. (2012), *Nature and Divinity in Plato's Timaeus*. Cambridge University Press.
- Cornford, F.M. (1997), *Plato's Cosmology: The Timaeus of Plato*. Hackett Publishing Company.
- Miller, D.R. (2003), *The Third Kind in Plato's Timaeus*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Protopopova, I. (2014), “Plato's 'Intelligible Atom'”, *Voprosy filosofii* 8: 138–144. (In Russian.)
- Sallis, J. (1999), *Chorology. On Beginning in Plato's Timaeus*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.